

ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФЕНОМЕНА НАУКИ

И. О. Надточий

*Воронежская
государственная
лесотехническая академия*

*e-mail:
inad@yandex.ru*

В статье рассматривается историко-философский контекст становления науки, выявляются критерии подлинного научного знания, отделяющего его как от таких форм духовной культуры как философия и религия, а так же от псевдо-науки, получившей чрезвычайно широкое распространение в последние десятилетия XX века.

Ключевые слова: наука, религия, философия, знание, вера, истина.

Превращение науки в доминирующий принцип бытия окончательно произошло во второй половине XX века. И как социальный институт, и как мировоззрение, и как способ организации жизни наука стала ведущим, определяющим явлением во многих областях культуры. Крупный немецкий физик XX века Макс Борн говорил: «На моих глазах наука превратилась в дело государственной важности... Наука стала неотъемлемой и наиболее важной частью нашей цивилизации, а научная деятельность непосредственно влияет на развитие цивилизации».

Не только ученые отмечают большое значение науки в жизни человека. Еще в начале XX века русский писатель Андрей Платонов сказал, что «в науке поместилось ведущее начало Истории», тем самым, угадав ведущую тенденцию современной цивилизации, всецело определяемую наукой. Русский философ Лев Шестов также говорил о «неслыханном дотоле торжестве науки»¹.

То, что заметили Шестов и Платонов в начале XX века спустя столетие только усилилось, и наука невероятными темпами покорила все мыслимые и немыслимые пространства человеческого бытия, оставив далеко позади все остальные формы духовной культуры. Современный исследователь науки В.Н. Порус говорит о настоящем положении науки в жизни человека и общества: «Наука пронизывает социальную реальность от ее повседневных мелочей до гигантских процессов, направляющих и изменяющих ход истории. От науки ждут решений, от которых зависит, будет ли вообще продолжаться человеческий род. От ученых требуют не только прогнозов, но и гарантий будущего»².

Критерий научности стал мерилом истинности, практически вся человеческая деятельность получает свою легализацию в науке. Наука является таким значимым явлением, поскольку лежит в основании рациональной, то есть индустриальной, научно-технической, промышленной цивилизации, к которой принадлежит современный мир. Наука организует природный и социальный мир на рациональных началах, стимулируя развитие новых технологий, и именно это делает ее основой повседневного существования человека.

Однако, есть и теневая сторона этого процесса. Всемогущество науки стало восприниматься как религиозное чудо. Наука стала превращаться в религию, постепенно вытесняя все остальные формы духовности, цензурируя их на критерий научности. Что не научно, то не имеет право на существование. А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа» показал, развернуто и убедительно, механизм превращения «чистой науки» в «реальную науку», в результате которого наука превращается в богословие. Чистая наука, наука как таковая нуждается лишь в гипотезе и замене одной гипотезы на другую. Реальная наука, которая «... всегда несет на себе многочисленные свойства, зависящие от данной исторической эпохи, от лиц, реально ее создающих, от всей фактической обстановки»³, в конечном счете, гипостазировывает свои категории, подменяя живую, таинственную и непостижимую реальность своей научной схемой. В результате мы имеем дело не с реальностью как таковой, а с реальностью, отраженной в научном сознании, отфильтрованной через сито

¹ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. – М. : Фолно, 2001. – С. 323.

² Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. – М. : 2002. – С. 328.

³ Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. – М. : Правда. 1990. – С. 413.

априорно-апостериорных постулатов, чей коэффициент искажения прямо пропорционален неустранимому субъективизму научного мышления.

Такой гипертрофированный сцинтизм привел к прямо противоположным результатам: наука, как и вообще рациональный стиль мышления стал терять авторитет, открывая дорогу различным иррациональным, оккультным, псевдонаучным течениям, которые прячутся за маской науки и научности.

Сегодня ситуация к сожалению не выглядит отрадной. В последние десятилетия появилось столько новых «наук», столько новых направлений, называющих себя научными, что уже трудно в этой эклектике отличить истинное от неистинного. Представляется необходимым рассмотреть философско-культурный контекст появления классической науки, для того чтобы определить подлинные критерии научного знания и отличить их от псевдо-научных.

Если рассматривать исторический контекст, то очевидно, что господствующее положение науки в жизни общества и культуры по сравнению с религией, философией, искусством связано с изменением картины мира, произошедшей в Новое Время. Доминирующий мировоззренческий принцип этого периода принято называть секуляризацией. Это, по своей сути внутрицерковное явление, связанное с ослаблением влияния религии на жизнь человека, привело со временем, к интенсивным социально-экономическим преобразованиям общества. Это время отмечено бурным развитием городов, открытием Нового Света, становлением капитализма как новой формы хозяйствования, и самое главное, появлением науки, основанной на экспериментально-математическом естествознании.

Наука предложила модель мира, в основании которой лежало устранение принципа иерархичности бытия, предполагающего онтологическое разделение мира на «духовное» и «материальное», земное и небесное, посястороннее и потустороннее. Известный историк науки А. Койре связывает появление новой науки с «разрушением Космоса», то есть той картины мира, которая была определяющей в сознании людей тысячелетия: «Распад Космоса означал крушение идеи иерархически упорядоченного, наделенного конечной структурой мира, – мира, качественно дифференцированного с онтологической точки зрения; она была заменена идеей открытой, безграничной и даже бесконечной Вселенной, объединенной и управляемой одними и теми же законами; Вселенной, в которой все вещи принадлежат одному и тому же уровню бытия, в противовес традиционной концепции, различавшей и противопоставлявшей друг другу два мира – земной и небесный. Земные и небесные законы отныне были слиты воедино»⁴.

С тех пор научное мировоззрение стало определяющим, по сути дела, оттеснив все остальные формы мировосприятия на периферию духовной жизни. Власть науки стала господствующей. Картина мира, которую рисовала наука, в общем, соответствовала психологическим и духовным умонастроениям большинства людей, которые стали уже характеризоваться религиозной индифферентностью. Наука Нового Времени провозгласила единое, монистическое мировоззрение на основе естественнонаучного похода к миру. Дуализм двух миров, которым характеризовалось Средневековье («Град Божий» и «Град земной») сменился монизмом одного естественного, чувственно воспринимаемого мира.

Дуализм Средневековья основывался на глубоком взаимодействии науки и религии, которые в этот период характеризовались общей устремленностью к духовным целям – познание мира как Божьего творения. Поэтому и наука, и религия, и философия этого времени носили в большей степени трансцендентный характер устремленности в потусторонний мир. И наука, и религия стояли на страже того мира, обслуживали его цели и интересы. Средневековая культура христианского Запада обнаружила сущностное тождество между библейским откровением и возможностью человеческого разумом, то есть рационально, постигать это откровение. Западный исследователь Р. Тарнас говорит, что «научное исследование подтверждало Евангельскую истину и наоборот. ...А сам факт упорядоченности природы позволяет человеку развивать рациональную науку, которая, в конце концов приведет его разум к Богу»⁵.

Знаменитый теолог Бонавентура в своем «Путеводителе души к Богу» дает методологию восхождения человека к Богу, которая осуществляется посредством «шести спо-

⁴ Койре А. Галилей и Платон // Очерки истории философской мысли. – М.: Прогресс, 1985. – С. 130.

⁵ Тарнас Р. История западного мышления. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – С. 152-153.

собностей души», которые суть следующие: «... ощущение, воображение, смысл, понимание, ум и вершина души или светоч синдерезы»⁶. Видно, какое большое место в Богопостижении занимает сфера рациональных способностей.

Р. Тарнас весьма красноречиво описывает становление научной картины мира в Новое время: «Все традиционные источники знания о Вселенной целиком вытеснил независимый человеческий разум, определив, в свой черед, собственные границы рамками и методами эмпирической науки»⁷. Прежние религиозные представления о независимом божественном мире не получают подтверждения в научных исследованиях, и постепенно исчезают. На первый план выдвигается «зримый мир», то есть эмпирическая реальность, противостоящая и божественной реальности и миру трансцендентных платоновских Идей. Исчезает противопоставление земного и небесного и утверждается материальное единство мира. Вселенная не имеет личностного характера, ее законы, толкуемые исключительно в понятиях физики и математики, естественны, а не сверхъестественны.

В целом эпоху характеризует воодушевленное «приятие этого мира и этой жизни как той сцены, на которой во всей полноте разворачивается захватывающее действие человеческой жизни». С этим связаны огромные надежды на науку и вера во всеислие разума: «уже явился свет новой веры – веры в то, что естественный разум и достижения науки, шаг за шагом приблизят «золотой век», где воцарится мир и мудрость, наступит всеобщее благоденствие и человек окончательно покорит природу»⁸.

Таким образом, видно, что научное мировоззрение ограничено сферой «этого мира», «зримой реальности», то есть наличной, эмпирической действительности; соответственно и научное познание связано с познанием этого мира, и с его возможным улучшением. Для более сильного эффекта наука полностью концентрируется на данном материальном мире, сознательно отсекая все метафизические (религиозные, философские) данные и трактовки, как не относящиеся к научному методу. И в плане познания и изменения этого внешнего мира наука действительно добилась значительных результатов.

Гармоническое равновесие веры и разума, науки и откровения, придававшее значительный оттенок научности религии, и наделявшее сакральным статусом саму науку, в Новое время нарушается. Здесь формируется совершенно иная (по сравнению со средневековой) модель научного, то есть принципиально а-религиозного и поэтому научного знания. То, что служило подтверждением истинности религиозного откровения, становится орудием разрушения религии как таковой. Фейербах, поставивший себе цель решить «загадку христианской религии» путем выявления «естественных» истин сверхъестественного в «Лекциях о сущности религии» выразил точку зрения, ставшую впоследствии столь распространенной в научной среде, что поистине может считаться кредо науки: «Мы знаем или, по крайней мере можем доподлинно знать только то, что, как мы теперь приходим и сохраняем нашу жизнь естественным путем, точно так же мы и произошли некогда естественным путем, что все теологические объяснения ничего не дают»⁹.

Водораздел между наукой и религией отныне становится классической нормой научного мышления и атрибутом этоса научного сообщества. Ученый может быть верующим человеком в частном порядке, но наука, как социальный институт культуры по определению должна дистанцироваться от религии и онтологически, и гносеологически, и методологически и аксиологически.

Особенно сильное расхождение между научной и иными областями культуры проявилось в антропологии. Макс Шелер писал в своей известной работе «Положение человека в космосе», что «у нас есть естественнонаучная, философская и теологическая антропология, которым нет друг до друга никакого дела»¹⁰. Действительно, эти три модели антропологии существуют по принципу разбегающихся концентрических кругов, дистанция между которыми только увеличивается со временем. Во многом это связано с тем, что наука перестала нуждаться в объяснительных теориях философско-богословского характера и стяжала себе право выступать гарантом объективности познания, а значит и гарантом истины.

⁶ Бонавентура. Путеводитель души к Богу. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1993. – С. 55.

⁷ Тарнас Р. Там же, с. 239.

⁸ Тарнас Р. Там же, с. 244.

⁹ Фейербах Л. Лекции о сущности религии. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. – Т. 2. – С. 636.

¹⁰ Шелер М. Положение человека в космосе. – М.: Гнозис, 1994. – С. 133.

Почему же теологические объяснения перестали что-либо давать в миропонимании, как полагал Фейербах? Да потому что миропониманием стала заниматься наука, перестав быть «измерительным прибором» эмпирического слоя бытия и превратившись в базовую интерпретационную систему всего мироздания.

В Средние века наука не могла сконструировать автономной картины мира, отличной от теоцентричной модели мироздания. Ее эвристический потенциал ограничивался вспомогательной функцией логико-рационального исследования уже существующего мира, к проблемам происхождения, сущности и судьбы которого наука не могла иметь никакого отношения. Наука не имела автономного метафизического потенциала, но была лишь эмпирическим инструментарием, пригодным для изучения тварного бытия.

В Новое время наука создает эту картину вопреки традиционной религиозной. Наука из вспомогательного инструмента в познании тварной, то есть созданной разумным Творцом реальности, становится самостоятельной метафизической силой, по собственному образу и подобию создающей мир, истолковывающей его, исходя из постулатов «естественного света разума».

Таким образом, наука Нового Времени автономизировалась и дистанцировалась от религии. С точки зрения науки все духовные проявления имеют материальный и естественный характер и не выходят за пределы наличного чувственно воспринимаемого мира. Тем самым был проведен водораздел между наукой и религией, за которыми закрепились соответствующие миры – потусторонний и посюсторонний, «тот мир» и «этот мир». Современный исследователь П. П. Гайденко, изучая проблему христианского генезиса естествознания, заключает, что «прежний водораздел между надлунным и подлунным физическими мирами устранен; новый водораздел проходит в XVII в. между трансфизическим, трансцендентным, внемирным Богом и тварным миром»¹¹.

Отделившись от религии, наука целиком и полностью сконцентрировала свои усилия на этом мире, на его изучении и улучшении. Наука оказалась изъятой из религиозно-философского контекста. Так Б. Рассел в своей знаменитой «Истории западной философии» довольно категорично утверждает, что опубликование теории Коперника, а также усовершенствование этой теории Кеплером и Галилеем, стало «началом длительной войны между наукой и догмой, в которой традиционалисты вели безнадежную борьбу против нового знания»¹².

Сотериология и гносеология – вот линии расхождения религии и науки, чье различие определил С. Н. Булгаков, показав, что науке свойствен «метод неверия» (то есть холодной, рассудочно-вопрошающей критики), в то время как религии присущ «метод благоговения», несовместимый с этой холодной и рассудочной критикой, так как наука может не видеть того, что существует для религии.

М. Хайдеггер писал, что «Метафизические понятия для внутренне равнодушной и необязывающей остроты научного ума остаются вечно на замке». Тем самым чистый этос науки отстраняется не только от религиозной метафизики, но и от философии. Философия с ее «заедающей» рефлексией, религия с ее «вечной жизнью» и посмертным судом – очень плохие спутники науки, от которых она естественно пытается избавиться.

Необходимо сказать, что автономизация чистого разума, и соответственно, дистанцирование науки от религии и философии имело первоначально свои обоснования именно в философии. Один из основоположников современного научного знания Ф. Бэкон в своем труде «О достоинстве и приумножении наук» способствует становлению науки, выделяя ее из сферы философии. Называя «первую философию» «общей матерью наук», он классифицирует виды научного знания, отделяя физику от метафизики: «физика изучает то, что материально и изменчиво, метафизика же – главным образом то, что абстрактно и неизменно». Этот водораздел станет определяющим в дальнейшем отделении чистой науки от чистой философии: «физика – это науки, исследующая действующую причину и материю, метафизика – это наука о форме и конечной причине»¹³.

¹¹ Гайденко П. П. Христианство и генезис естествознания // Философско-религиозные истоки науки. – М. : Мартис, 1997. – С. 69.

¹² Рассел Б. История западной философии: В 2 т. Т. 2. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994. – С. 8.

¹³ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Сочинения. В 2-х томах. Т. I. – М. : Мысль, 1971. – С. 220.

У Бэкона формируется вполне определенная идея двух миров, каждый из которых имеет свой образ, запечатленной в соответствующих книгах – «книге Писания», в которой раскрывается воля Божья и «книге природы». Бэкон говорит, что «из этих двух книг вторая является как бы ключом к первой, не только подготавливая наш разум к восприятию на основе общих законов мышления и речи истинного смысла Писания, но и главным образом развивая нашу веру, заставляя нас обратиться к серьезному размышлению о божественном всемогуществе, знаки которого четко запечатлены на камне его творений»¹⁴.

Тем самым открывается пространство для изучения этого мира, который, хотя и является творением Божьим, но достоин самостоятельного научного изучения: «Здание этого нашего Мира и его строй представляют собой некий лабиринт для созерцающего его человеческого разума, который встречает здесь повсюду столько запутанных дорог, столь обманчивые подобию вещей и знаков, столь извилистые и сложные петли и узлы природы»¹⁵. Поскольку путь к истине лежит через ошибочность человеческих мнений, основанных на «неверном свете чувств», Бэкон предлагает не доверять построениям человеческого ума, а обратиться непосредственно к самим вещам, к природе – не искать «высокомерно науки в кельях человеческого ума, а смиренно обращаться за ними к великому миру».

Таким образом, наблюдение и эксперимент, согласно Бэкону, – источник научного знания, наука способна значительно изменить материальные условия существования человека, наука может дать власть и могущество над природой.

Наука формировалась, таким образом, как антитеза метафизике. Исследователь З. А. Сокулер отмечает, что «в образованных кругах разных стран Европы было распространено убеждение, что только опыты и наблюдения способны положить конец бесконечным философским и теологическим распрям. С этим было связано критическое отношение к философским и теологическим традициям и превознесение опытного знания»¹⁶. Это со временем привело к полному исключению всякого опыта или знания, не связанного с эмпирическим миром: «в современной научной картине мира объект познания уже не указывает ни на что трансцендентное»¹⁷.

Деление философии на метафизику и физику присуще и Р. Декарту, основоположнику новой философии, в основании которой дуализм, точнее психофизический параллелизм. В своей работе «Первоначала философии» он говорит, что первой частью подлинной философии является метафизика, «где содержатся начала познания; среди них – объяснение главных атрибутов Бога, нематериальности нашей души, а равно и всех остальных ясных и простых понятий, какими мы обладаем. Вторая часть – физика; в ней, после того как найдены истинные начала материальных вещей, рассматриваются главным образом, как образован весь универсум; затем, особо, какова природа Земли и всех остальных тел, находящихся около Земли, как, например, воздуха, воды, огня, магнита и иных минералов»¹⁸.

Двумирность мироздания утверждается и другим классиком философии Лейбницем. Он определяет наличный мир как собрание (aggregatum) конечных вещей, которыми правит Единое Существо (Unum Dominans): «Это Единое Существо, владыка универсума, не только управляет миром, но и создает его и устроит; оно выше мира и, так сказать, сверхмира и в силу именно этого составляет последнюю причину вещей»¹⁹. Философ считает, что «основание мира надо искать вне мира», полгая Бога «сверхмировым основанием вещей». Таков главный принцип мироздания, состоящего из двух миров: «основания мира заключается в чем-то внемировом, отличном от связи состояний или ряда вещей, совокупность которых образует мир»²⁰.

О. Конт дал максимально полное выражение сути позитивной науки, в которой разум дает «точную оценку внешнего реального мира». Отказ от объяснений (то есть раз-

¹⁴ Бэкон Ф. Там же, с. 128.

¹⁵ Бэкон Ф. Там же, с. 71.

¹⁶ Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 37.

¹⁷ Сокулер З.А. Там же, с. 167.

¹⁸ Декарт Р. Первоначала философии // Сочинения в двух томах. Т.1. – М.: Мысль, 1989.

¹⁹ Лейбниц. О глубинном происхождении вещей // Сочинения в четырех томах. Т.1. – М.: Мысль, 1982. – С. 282.

²⁰ Лейбниц. Там же, с. 283.

мышлением над смыслом мира) в пользу описаний причинно-следственных явлений – таково истинное предназначение науки. «Настоящая наука, – как отмечает З. А. Сокулер, – устанавливает точную корреляцию наблюдаемых явлений, но не пытается объяснить скрытые сущности или силы, порождающие ее»²¹. Позитивная наука ограничивается реальным, то есть доступным для познания и полезным. Научное познание для Конта, отмечает исследователь, имеет чисто функциональный характер, имеющее четко определенную функцию способствовать материальному благополучию человечества и стабильности социальной системы.

И «экспериментальная философия» Нового времени и «позитивная наука» О. Конта сходны в главном – предметом их исследования является этот мир. И неважно, что является наиболее важным компонентом научного знания – теория или опыт, это различные методологии постижения одной и той же реальности – эмпирического мира. Также является не важным, ищет или не ищет наука объяснения, или только описывает явления, главное, что наука и описывает и объясняет только наблюдаемые явления (по Конту – «внешний реальный мир»).

Уже в XX веке, обозревая историю западноевропейской философии и строя определенную систему философии, основатель экспериментальной психологии Вильгельм Вундт подытоживает, ставшее уже фактом, разделение областей религии и философии, произошедшее в расцвете схоластики: «Религии, догме было отведено более высшее знание, познание сверхчувственного мира и божественного порядка, через который устанавливается связь чувственного и сверхчувственного миров; науке же – чувственный мир со всем тем, что может быть познано без помощи откровения через естественную силу разума»²².

Таким образом, сущность науки сводится к утверждению наличного, то есть чувственно воспринимаемого и логически доказуемого мира, основная задача по отношению к которому – объективное его познание. Наука постулирует один мир, мир посюсторонний, тем самым, отделяя свою область от другого иного мира как мира нереального, принадлежащего к духовной сфере религии или творческой фантазии искусства.

Вопрос о критериях научного знания в философии науки проработан достаточно основательно. Эти критерии должны опираться на некие инвариантные основы научной эпистемологии, вне которых научный опыт не имел бы никакой достоверности и значимости. Французский философ Г. Башляр в книге «Формирование научного духа» говорит о трех больших стадиях (конкретная стадия, конкретно-абстрактная стадия, абстрактная стадия), которые проходит научный дух в своем становлении и развитии. Общим во всех этих стадиях является соотнесенность с разумом с природой, первичной реальностью, чувственным миром, по поводу которого он строит свои теории различной степени абстрактности.

В этом смысле наличие и уверенность в существовании чувственно воспринимаемой реальности является необходимой предпосылкой именно научного опыта, который в отличие от эстетического, религиозного, философского не имеет априорных положений в качестве исходных предпосылок.

По мнению Р. Тарнаса, Галилей изобрел новый способ анализа явления, и новое основание для опытной проверки знаний. Вынесение четких и правильных суждений о природе возможно лишь на основе «объективных», поддающихся точному измерению свойств, таких как размер, форма, количество, вес, движение. «Лишь с помощью количественного анализа наука может получить правильные знания о мире»²³.

Тем самым, количественный анализ становится наиболее достоверным критерием подлинности научного познания, которое распространяется лишь на эмпирический мир с его количественными метриками.

Известный этнограф и антрополог Б. Малиновский, сопоставляя такие формы мышления как магию, науку и религию, дает такое определение науки, в которой проявлены ее универсальные черты: «Наука, даже представленная примитивными знаниями дикого человека, базируется на нормальном всеобщем опыте повседневной жизни, который приобретался в борьбе человека с природой за свое существование и безопасность, основывался на наблюдениях и фиксировался разумом»²⁴.

²¹ Сокулер З. А. Там же, с. 177.

²² Вундт В. Введение в философию. – М.: Добровет, 1998. – С. 24-25.

²³ Тарнас Р. История западного мышления. – М.: КРОН_ПРЕСС, 1995. – С. 221.

²⁴ Малиновский Б. Магия, наука и религия // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиозоведения. Антология. – М.: Канон+, 1988. – С. 375.

Таким образом, в основании научно познания лежат такие факты как рациональное мировоззрение, основывающемся на опыте повседневной жизни.

Кант выявляет важнейший критерий научного метода – систематизацию обыденного знания: «Так как обыденное знание именно лишь благодаря систематическому единству становится наукой, т. е. из простого агрегата знаний превращается в систему»²⁵. Система становится основополагающей, базовой идеей науки. Но для всякой системы нужны систематизирующие принципы, обеспечивающие системе возможность ее существования. Этим базовым принципом, по Канту, является объединяющая идея, создающая целостность и цель системы. «Под системой же разумею единство многообразных знаний, объединенных одной идеей». Идея, которая есть «понятие разума о форме некоторого целого» и составляет основополагающий метафизический принцип системы, являющийся также и основополагающим принципом науки.

Схожее понимание науки дано в словаре Владимира Даля. Там наука определяется двойко, как «всякое ремесло, умение и знание», а также «в высшем значении» как «разумное и связанное знание: полное и порядочное собрание опытных и умозрительных истин, какой-либо части знаний; стройное, последовательное изложение любой отрасли, ветви сведений». Таким образом, критерий системности, является одним из важнейших и основополагающих в науке.

Известный французский философ XX века М. Фуко выделил очень важные критерии естественных наук. Так, говоря о математике и физике, он отмечает, что для них «порядок есть всегда дедуктивная и линейная последовательность самоочевидных или доступных верификации высказываний». То же самое относится и к другому классу наук (о языке, жизни, производстве и распределении богатств), которые стремятся «к такому упорядочению прерывных, но сходных элементов, чтобы они могли вступить в причинные отношения и образовать структурные постоянства»²⁶. Из этого следует, что причинно-следственные отношения, а также принцип верификации являются необходимыми для науки.

В качестве критериев научного знания можно выделить следующие: уверенность в существовании чувственно воспринимаемой реальности, рациональное мировоззрение, опора на практический повседневный опыт, системность в подходе к материалу и к его обработке, наличие причинно-следственных отношений между элементами научной системы, верификация, непротиворечивость, подтверждаемость и эффективность.

Таким образом, можно сказать, что знание фактов этого мира, полученное на основе опыта, и подтвержденное в ходе эксперимента, ведущее к росту знания, увеличению информации, изменению картины мира является основным критерием науки и научности. Суждение философа Ю. Бохеньского иллюстрирует это положение: «для подтверждения и объяснения фактов, существующих в мире, нет ничего лучше научного метода. Наука – единственный серьезный авторитет в этой области»²⁷.

В конечном счете, главный критерий достоверности научного знания заключается в вынесении за скобки всего того, что выходит за пределы этого мира. Это, прежде всего, религия, искусство и философия.

Можно сказать, что наука *одномерна*, потому что *одномерна*. Наука накладывает жесткое табу на сферу, выходящую за пределы возможного и доступного опыта, то есть на все, выходящее за границы этого мира. Б. Рассел прекрасно выразил это методологическое требование науки в следующих словах: «научные законы должны быть раскрыты наблюдением, а не одними размышлениями»²⁸. Размышления могут выводить (и, как правило, выводят) за пределы этого мира, и только наблюдения оставляют в его пределах.

Эти важнейшие критерии науки определяют ее подлинный онто-гносеологический статус, не позволяющий псевдо-научным практикам претендовать на науку. Необходимо понимать границы науки, ее возможности, которые, естественно, не безграничны, по-

²⁵ Кант И. Критика чистого разума. – Соч. в 6-ти т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – С. 680.

²⁶ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб., А-сад, 1994. – С. 366.

²⁷ Бохеньский Ю. Сто суеверий: Краткий философский словарь предрассудков. – М.: Прогресс-ВИА, 1993. – С. 104.

²⁸ Рассел Б. История западной философии: В 2. Т. 2. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994. – С. 80.

сколькx ограничены реальностями поcюcторонней (эмпирической) действительности. За пределы эмпирического мира наука не может и не должна выходить. Как только наука выходит за пределы своих гносеологических возможностей и онтологических территорий, то теряет свой статус, превращается в псевдо-науку и дает пищу для распространения различного рода околonaучных теорий, претендующих на звание научных.

К сожалению, сегодняшний аксиологический релятивизм не только подорвал доверие к академической науке, к рациональному мышлению, но открыл дорогу для распространения многообразных эклектических учений, ничего общего с наукой не имеющих. Сила науки в ее ограниченности, то есть в ясном осознании своих гносеологических, методологических и онтологических границ. Соблюдение этого принципа восстановит доверие к рациональному типу мышления и, соответственно, вернет науке ее подлинный статус в обществе и культуре.

Список литературы

1. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. – М.: Фолио, 2001.
2. Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. – М.: 2002.
3. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990.
4. Койре А. Галилей и Платон // Очерки истории философской мысли. – М.: Прогресс 1985.
5. Тарнас Р. История западного мышления. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.
6. Бонавентура. Путеводитель души к Богу. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1993.
7. Фейербах Л. Лекции о сущности религии. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955.
8. Фейербах Л. Лекции о сущности религии. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955.
9. Шелер М. Положение человека в космосе. – М.: Гнозис, 1994.
10. Гайденок П. П. Христианство и генезис еcтествознания // Философско-религиозные истоки науки. – М.: Мартис, 1997.
11. Рассел Б. История западной философии: В 2 т. Т. 2. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994.
12. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Сочинения. В 2-х томах. Т. I. – М.: Мысль, 1971.
13. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: РХГИ, 2001.
14. Декарт Р. Первоначала философии // Сочинения в двух томах. Т. I. – М.: Мысль, 1989.
15. Лейбниц. О глубинном происхождении вещей // Сочинения в четырех томах. Т. I. – М.: Мысль, 1982.
16. Вундт В. Введение в философию. – М.: Добровет, 1998.
17. Малиновский Б. Магия, наука и религия // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. – М.: Канон+, 1988.
18. Кант И. Критика чистого разума. – Соч. в 6-ти т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3.
19. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб., А-сad, 1994.
20. Бохеньский Ю. Сто суеверий: Краткий философский словарь предрассудков. – М.: Прогресс-ВИА, 1993.
21. Рассел Б. История западной философии: В 2 т. Т. 2. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994.

ONTOLOGICAL AND GNOSEOLOGICAL BASES OF THE PHENOMENON OF SCIENCE

I. O. Nadtochy

Voronezh Forestry Academy

e-mail:
inad@uandex.ru

The article considers the philosophical context of the modern science. The paper reveals the criteria of the science, which differs it from philosophy and religion and also from wide-spread pseudo-science.

Key words: science, religion, philosophy, knowledge, faith, truth.